

“ему о многом хотелось сказать, а записывать было некогда”

Александр Ивашкин — Газете

Книга «Беседы с Альфредом Шнитке» вышла десять лет назад, к шестидесятилетию композитора, и с тех пор неоднократно переиздавалась. Ее автор-составитель — виолончелист Александр Ивашкин, друг Альфреда Шнитке и его семьи в течение многих лет. О том, как рождалась книга бесед, о работе над произведениями Шнитке и месте его музыки в сегодняшнем мире Александр Ивашкин рассказал корреспонденту Газеты Илье Овчинникову.

Что произошло раньше — ваше знакомство с Альфредом Шнитке или с его сочинениями?

Сначала с сочинениями. Когда я учился в институте и ничего о Шнитке не знал, Эдисон Денисов посоветовал мне пригласить его рассказать о своих сочинениях. Мы пригласили, он пришел, оказался чудесным человеком и, конечно, замечательным композитором. Но способствовало нашей дружбе чисто случайное обстоятельство: мы жили в одном доме на улице

Дмитрия Ульянова, в соседних подъездах. Теперь как раз между ними появилась мемориальная доска.

С чего началось ваше знакомство с его музыкой?

Это был Первый струнный квартет в исполнении бородинцев, он как раз тогда принес его в записи. Музыка Шнитке произвела очень сильное впечатление, для нас это было просто потрясение. Было это, наверное, году в 1967-м.

Как вы стали исследователем и пропагандистом творчества Шнитке?

(Смеется.) Не считаю себя ни исследователем, ни пропагандистом: я не писал научных монографий о его музыке.

Тем не менее изучать ее нельзя без вашей книги «Беседы с Альфредом Шнитке».

Это скорее его книга, а не моя. Началось все с ансамбля солистов Большого театра, которым я до некоторой степени руководил. Альфред писал для нас, и мы много его сочинений играли. А исполнять тогда его музыку было очень трудно. Ее запрещали, меня вызывали в министерство, говорили: не поедете никуда — снимите Шнитке или добавьте Хренникова. Потом он сам предложил, чтобы мы беседовали: видимо, ему о многом хотелось сказать, а записывать было некогда. И обратился ко мне почему-то. Но случилось это довольно поздно, в 1983 году, пожалуй. А до этого мы просто общались.

Часто ли вы играете Шнитке за рубежом? Велик ли в мире интерес к его музыке?

Как ни странно, играю довольно часто. Дирекция любого оркестра неохотно ставит в программу музыку XX века; тем не менее даже в Америке Шнитке часто исполняется и звучит по радио. И, что самое важное и радостное, молодые музыканты очень интересуются его музыкой! Они играют его сочинения совершенно не так, как мы привыкли в России. Как раз это говорит о том, что музыка Шнитке — она не для какой-то конкретной ситуации, для конкретной страны, для конкретного времени. Эта музыка для подрастающего поколения музыкантов, которые плохо представляют, кто такой Шнитке и чем он жил.

Много ли сочинений Шнитке не опубликовано, будь то музыка или теоретические работы?

Сочинений, которые не записаны, почти нет. Разве что самые ранние, вроде «Поэмы о Космосе». Партию оратории «Нагасаки» мне недавно удалось отсканировать, она очень интересна! Когда-то ее записывали на радио; запись существует, но у меня ее нет. Она была у Ирины Федоровны, я ее никогда не слышал. А зрелые сочинения с начала 1960-х годов записаны все. Исключение — «Желтый звук», который сейчас собираются записывать, и опера «Джезуальдо», которая вот-вот выйдет под управлением Валерия Полянского. Когда мы с Ириной Федоровной после смерти Альфреда разберили его архив, то нашли два законченных сочинения. Первое — альтовый концерт, задуманный как альтовая соната. Второе — вариации для струнного квартета, которые мне удалось расшифровать; мы сыграли их в Лондоне несколько лет назад. А концерт Ирина отдала Башмету, но рукопись сделана левой рукой и нуждается в расшифровке, как и Девятая симфония. Геннадий Рождественский сыграл свою версию расшифровки Девятой симфонии еще в 1998 году. Сейчас партитура у Александра Раскатова: он работает над ней, но очень медленно.

Как вы сказали, сегодня не так просто исполнять музыку XX века, однако вы играете и записываете Шнитке, Прокофьева, Шостаковича, Рославца... Трудно ли пробивать подобные записи?

Что касается Шостаковича и Шнитке, то их берут с удовольствием. Цифры продаж внушительные. А Рославца, Черепнина и тому подобные записи пробить сложно — в целом звукозаписывающая индустрия находится в плачевном состоянии. Диски покупаются плохо. С той же фирмой Chandos сейчас очень трудно договариваться о новых проектах, почти для каждого нужен спонсор. Хотя записи Валерия Полянского они оплачивают, значит, это хорошо продается. А с Полянским мы знакомы со студенческих лет. Независимо друг от друга оба оказались под крылом Chandos. Поскольку в Москве у меня квартира, для них куда дешевле записывать меня здесь, чем с западным оркестром. А мне удобно тоже: работаем мы в Большом зале Консерватории, это прекрасный зал.

В октябре вы участвовали в московском фестивале Шнитке, в ноябре играли на «Московской осени» и не только; когда приедете еще?

Во-первых, я был очень рад сыграть Concerto Capriccioso моего умершего друга Николая Корндорфа — колоссальное сочинение! Я считаю, что это самый интересный композитор после Шнитке. Когда я сыграл мировую премьеру в Канаде, там люди просто стояли на ушах. Во-вторых, надеюсь на продолжение контактов с Санкт-Петербургской филармонией. Там мое выступление прошло успешно, я играл симфонию-концерт Прокофьева и теперь предложил им оригинальную — виолончельную — версию Двойного концерта Брамса. Оказывается, Брамс сначала писал его как виолончельный концерт; сейчас обнаружили наброски. И после того как я познакомился с партитурой и стал ее играть, я поверил в нее — Двойной концерт стал казаться мне как бы позднейшей аранжировкой. Можно к этому относиться по-разному, мы точно не знаем, чего хотел Брамс, но эта версия очень убеждает. В октябре я сыграл мировую премьеру в Гамбурге, в апреле повторю это сочинение в Южном полушарии, в Новой Зеландии. Российская премьера состоится в Санкт-Петербурге в декабре 2005 года.

Вы представляете собой достаточно редкий тип музыканта — активно выступающего солиста и регулярно пишущего теоретика-музыковеда. Чем вы начали заниматься сначала, а чем потом?

Сначала я учился на скрипке, но не имел к этому никакого желания: мне было отвратительно, мне было больно. Тогда мне посоветовали заняться виолончелью: я опять переживал, плакал, инструмент казался мне какой-то уродливой коробкой. Я хотел учиться на роле, а на виолончели играл настолько плохо, что лет в десять меня решили показать кому-нибудь в консерватории. Попал я случайно к Ростроповичу в году 1957-м или 1958-м, мне было 9—10 лет. Я ему сыграл на фортепиано прилично, а на виолончели чудовищно. Он сказал, не знаю почему: ты должен быть виолончелистом! Хотя он прекрасно понял, насколько плохо я играл. Но я начал заниматься более серьезно и к окончанию школы играл одинаково хорошо и на фортепиано, и на виолончели. Потом меня вдруг заинтересовала писанина, журналистика, музыковедение... Я поступил в Гнесинский институт на два факультета. А с Ростроповичем мы остались большими друзьями, и я всегда думаю, что эта дружба — большой подарок жизни.

Изменилось ли ваше отношение к музыке Шнитке за прошедшие десятилетия?

Вы не раз говорили о том, что премьеры его сочинений публика воспринимала так же, как в предыдущую эпоху — премьеры опусов Шостаковича; сейчас вы бы согласились с этим?

Об этом я говорил до некоторой степени в негативном плане: когда Шостакович был жив, а я был студентом, то нам его последние премьеры не очень интересны были. И народ на них не очень ходил. А сейчас Шостакович на Западе является самым исполняемым композитором, буквально номером один, выше Моцарта и Баха! И я думаю, что Шнитке тоже будут играть, хотя не сравнивал бы их напрямую. Просто отношение нашего поколения, когда мы были молодыми, к музыке Шостаковича было таким же, как и отношение к музыке Шнитке у молодого поколения русских композиторов в 1990-е годы. Они все говорили: ну, Шнитке — это вчерашний день, нафталин... Я думаю, что это изменится. А мое отношение к его музыке никак не изменилось. Только в лучшую сторону: в позднем его стиле, который многим непонятен, есть совершенно потрясающие открытия. Татьяна Гринденко, с которой мы на фестивале играли его Тройной концерт, со мной согласилась. Время все расставляет на свои места, и поздний период, думаю, будет тоже очень интересен для молодых музыкантов и слушателей.

газета

музыкант, ставший летописцем

Александр Ивашкин — один из трех виолончелистов, которым Альфред Шнитке посвящал свои сочинения. В 1970—1980-х годах руководил ансамблем солистов Большого театра, впервые исполнившим ряд произведений Шнитке. Автор монографий о Чарльзе Айвзе, Кшиштофе Пендерецком, многочисленных статей и аннотаций к компакт-дискам. Автор-составитель книги «Беседы с Альфредом Шнитке». Записал все виолончельные сочинения Шнитке, Прокофьева, Шостаковича, Рославца, Черепнина, Канчели. В течение последних двадцати лет активно выступает как солист, окончательно уехал из России в 1990 году. Директор Центра русской музыки в Лондоне.

Альфред Шнитке и Геннадий Рождественский в Большом зале консерватории. Конец 1970-х годов. Фото из архива И. Ф. Шнитке